

Евгения Якушина

**ЗА
СЕДЬМОЙ
ПЕЧАТЬЮ**

Москва

Издательство АСТ

 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Я49

Дизайн обложки: *Светлана Сапега*

Якушина, Евгения.
Я49 За седьмой печатью : [сборник] / Евгения Якушина.—
Москва: Издательство АСТ : Астрель-СПб, 2026.—384 с.—
(Детектив начала века).

ISBN 978-5-17-184609-1

Проклятие древнего языческого божка обрушивается на обитателей тихой усадьбы. Вчерашний гимназист Митенька Руднев начинает собственное расследование жестокого преступления и открывает в себе недоюжный талант сыщика. Так начинается история Дмитрия Николаевича Руднева и его друзей. Спустя несколько лет полиция просит его помочь раскрыть дело об убитых девушках. Что стоит за этими злодеяствиями? Восставший из глубины веков кровавый культ? Политические убеждения? Безумие серийного маньяка? Герою предстоит найти ответы на эти вопросы, а заодно и собственное призвание, которое определит его дальнейшую жизнь, наполненную криминальными загадками и опасными приключениями.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-184609-1

© Евгения Якушина, текст, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ЯШМОВЫЙ УЛЬГЕНЬ

Предисловие

Белецкий проснулся резко, словно его кто-то пихнул, и окончательно, будто за секунду до пробуждения вовсе не спал. Все органы чувств — слух, зрение, осязание и обоняние — разом ожили и предупреждали об опасности. Испуганно пискнул и шоркнул крыльями согнанный с гнезда степной жаворонок. Едва заметно колыхнулся приоткрытый полог палатки, потревожив застоявшуюся под брезентом духоту. Легкое дуновение прохладного ночного воздуха шевельнуло волосы и донесло еле различимый запах медвежьего сала, которым теленгиты¹ пропитывают свои сапоги.

Чтобы скрипучий топчан не выдал его, Белецкий не стал подниматься, а просто одним движением скатился на земляной пол и, словно кошка, сразу оказался на ногах. Палатка была невелика: молодому человеку хватило одного шага, чтобы прильнуть к щели неплотно запахнутого полога ее входа. Тьма снаружи была такая, будто

¹ *Теленгиты* — коренной тюркский народ, проживающий на Алтае.

в чернильницу нырнул, но постепенно глаза привыкли ко мраку, и он смог различить темные треугольники соседних палаток, казавшихся миниатюрными копиями вздымавшегося на горизонте силуэта Чуйского горного хребта.

Никакого движения в лагере не было. Белецкий сдернул с топчана грубое серое одеяло, накинул на плечи, чтобы белизна нательной рубахи не выдала его в темноте, выскользнул из палатки и крадучись обогнул ее. Теперь он мог видеть большой шатер, в одной половине которого располагался штаб экспедиции, а во второй обитал ее начальник, статский советник Николай Львович Руднев, при котором молодой человек служил секретарем.

Чутье Белецкого не обмануло: перед входом в палатку Николая Львовича застыла невысокая, коренастая фигура. Судя по ее очертаниям, это был алтаец, одетый в долгополый чепкен и конусообразную войлочную шапку. Незнакомец прислушивался к царившей в палатке тишине, очевидно, собираясь в нее проникнуть.

Ждать дальнейшего развития событий Белецкий не стал. Стремительным броском он преодолел пару саженей, разделявших его с чужаком, и раньше, чем тот успел обернуться, кинулся ему на спину, словно ирбис, охотящийся на марала. Алтаец был крепок и значительно шире в плечах сухопарого жилистого Белецкого, но неожиданность и стремительность атаки, а также недюжинный рост секретаря не оставили незваному гостю никакого шанса устоять на ногах.

Тяжело дыша, оба они ввалились в палатку начальника экспедиции. Не давая противнику опомниться, Белец-

кий нанес ему короткий точный удар пониже уха, и тот тут же обмяк. В этот же момент раздался щелчок взведенного курка, и властный голос Руднева спросил:

— Кто здесь?

— Ich bin's,¹ — выдохнул секретарь.

Белецкий, звавшийся по имени и отчеству Фридрихом Карловичем, был двуязычным полукровкой — сыном немецкого инженера, приехавшего служить в Россию, осевшего в ней после женитьбы на русской женщине и сменившего фамилию Bellezer на созвучную, но более привычную для русского уха. Язык матери и язык отца были для юного Белецкого в равной степени родными, и, хотя, естественно, первым он пользовался чаще, в минуты душевного волнения имел привычку переходить на второй.

Чиркнула спичка, свет ее пламени выхватил из темноты нахмуренное лицо статского советника с помятыми усами и лежавший на его подушке револьвер. Николай Львович зажег наполненный смрадным бараньим салом светильник. Держа жировку в руке, он подошел и склонился над незванным гостем, которого Белецкий к тому моменту обыскал и связал ему за спиной руки палаточным шнуром.

Вторгшимся в лагерь чужаком действительно оказался алтаец. Это был молодой человек, немногим старше Белецкого, лет двадцати — двадцати трех, с гладким чистым лицом, добротнo одетый и обутый. Из оружия при нем имелся только охотничий нож.

¹ Ich bin's (нем.) — Это я.

— Что произошло? Кто это? — спросил Руднев.

Белецкий коротко рассказал о случившемся. Николай Львович нахмурился.

— Надеюсь, ты его не убил. У нас и без того хватает проблем со здешним сеоком¹.

Словно торопясь развеять опасения начальника экспедиции, пленник зашевелился. Белецкий перевернул его и усадил. Алтаец злобно, как угодивший в ловчую сеть манул, зашипел и заизвивался. Белецкий стиснул ему плечо и встряхнул. Поняв, что высвободиться и бежать не удастся, алтаец затих и лишь свирепо переводил взгляд темных раскосых глаз с одного русского на второго.

Сочтя, что статскому советнику не пристало вести беседу в одном исподнем, Николай Львович накиннул на плечи шинель и присел на топчан.

— Ты кто такой? Зачем сюда пришел? — спросил он по-русски и, не получив ответа, повторил вопрос по-алтайски.

Пленник молчал, но по тому, как зыркнул на Руднева, стало очевидно, что он все понимает.

— Ты собирался что-то украсть? Оружие? Деньги? Может, ты убить меня замышлял? — выпрашивал статский советник на двух языках. — Как тебя зовут? Кто твой отец?

Пленник продолжал хранить упрямое злое молчание.

¹ *Сеок* — у алтайцев: род, совокупность людей, родственных друг другу по мужской линии. Согласно переписи 1897 года у алтайцев насчитывалось 68 сеоков.

— Я посторожу его до утра, — предложил Белецкий, — а завтра мы отвезем его в аил и потребуем объяснений у зайсана ¹.

Николай Львович отрицательно покачал головой.

— Нет. Мы его отпустим. Ничего дурного он сделать не успел. Оружия у него нет. Я не желаю тратить время на разбирательства с зайсаном из-за выходки глупого мальчишки.

Начальник экспедиции хмуро свел брови и прищурил глаза, отчего в лице его отчетливо проступили черты, доставшиеся в наследство от далеких предков-чингизидов.

— Слушай меня, уулчагаш ², — сурово приказал он, вперив колкий взгляд в алтайца, — ты вернешься в свой аил и расскажешь всем, как великодушно обошлись с тобой русские. И предупредишь своего зайсана, что, если кто-нибудь из местных еще раз посмеет проникнуть в лагерь тайком, я отправлю наглеца в Бийск к капитану-исправнику и тот определит его в тюрьму как вора... Развяжи его, Белецкий, и проводи до ручья.

Белецкому решение статского советника не понравилось. За год, проведенный в экспедиции, он не раз убеждался в коварстве и вероломстве местных жителей, хотя и считавшихся подданными российского царя, на деле люто ненавидящих русских и всячески сопротивлявшихся

¹ *Зайсан* — глава племени у тюркских народов, а также с 1880 г. выборный чиновник из числа коренного населения, представлявший власть Российской империи на территории Алтая, вошедшего в нее в 1756 г.

² *Уулчагаш* (алт.) — мальчишка.

их законам и власти. Однако перечить приказу секретарь не посмел. Неохотно он распустил путы, стягивающие запястья пленника, и рывком за воротник поставил его на ноги. Конфискованный нож Белецкий демонстративно отбросил в темный угол палатки.

— Пошли, — велел он алтайцу, подтолкнув к выходу.

Тот покорно сделал несколько шагов, потом остановился, резко обернулся, указал рукой на собранный из досок и покрытый куском зеленого сукна рабочий стол статского советника и выкрикнул на вполне сносном русском языке:

— Тосем¹ покарает тех, кто без спроса пришел на земли его сеока! Мечь Ульгена² будет страшна!

С этими словами алтаец с проворством сурка, спасающегося от когтей неясны, кинулся из палатки в ночную тьму. Белецкий метнулся было за ним, но Руднев его осадил:

— Стой! В темноте тебе его не поймать, да и ловить ни к чему. Пусть убирается.

— А если он вернется?

— Зачем ему возвращаться?

Вопрос поставил Белецкого в тупик.

— Не знаю. Но зачем-то же он приходил и пытался пробраться в вашу палатку. Может, он и вправду убить вас собирался!

¹ *Тосем* — дух-покровитель или дух-прародитель рода.

² *Ульген* — верховное божество в религиях тюрко-монгольских народов, в том числе у алтайцев, а также родовой покровитель и божественный предок отдельных алтайских родов.

— Не думаю, — возразил Руднев. — Убийца держал бы оружие наготове, а ты вынул нож из его голенища. Скорее уж он хотел что-то забрать. Например, это.

Николай Львович взял со стола и покрутил в руке вырезанную из кроваво-бурой яшмы статуэтку высотой чуть более пяди. Идол изображал одного из верховных алтайских божеств — Ульгена.

— Мальчишка назвал Ульгена своим тосемом, — припомнил Руднев. — Вероятно, вознамерился освободить своего божественного пращура из русского плена и вернуть соплеменникам.

— Где ж тут «плен»? — возмущился Белецкий. — Шаман сам отдал вам Яшмового Ульгена и даже сказал, что поступает в соответствии с его божественной волей.

— Мальчишки имеют досадную привычку противиться воле старших, — усмехнулся Николай Львович. — Кстати, вот тебе моя воля. Завтра ты со мной не поедешь, а останешься в лагере и займешься упаковкой экспонатов. Их нужно отправить в Бийск до того, как мы начнем переносить лагерь на новое место.

— Но, Николай Львович, — взвился Белецкий, — вы же обещали показать мне Кезер-Таш¹!

— Успеется. Проводники говорят, урочища Тюте, возле которого я думаю разбить лагерь, охраняют аж целых три каменные бабы. Так что налюбуйешься. —

¹ *Кезер-Таш* — каменные изваяния («каменные бабы»), датируемые VI–IX веками, археологические памятники тюркской эпохи. В настоящее время на территории Горного Алтая обнаружено более тридцати таких изваяний, из них семь — в Курайской степи.

Заметив, что Белецкий разочарованно сник, начальник экспедиции ободряюще потрепал молодого человека по плечу. — Ничего интересного ты не пропустишь, мы просто станем искать место для стоянки... Иди спать. Скоро светать начнет.

Белецкий кивнул и поплелся к себе. Уже выходя из палатки, он обернулся и спросил:

— Николай Львович, как вы думаете, почему Ульгень захотел оказаться у вас?

Глава 1

В тишине пустого флигеля щелчок замка прозвучал громко и звонко, словно выстрел. Невольно затаив дыхание, Митенька крадучись, на цыпочках вошел в архив и зажег потайной английский фонарь. Расползшиеся по стенам гротескные тени, отблески стеклянных витрин и скрип половиц под ногами создавали таинственную и немного пугающую атмосферу, в которой Митеньке было не по себе: по спине пробежал холодок, а сердце пихалось в ребра.

Чтобы избавиться от глупого беспричинного страха, юноша принялся насвистывать лейб-гвардейский марш Дерфельдта, дирижируя в такт фонарем. Желтоватый луч метался из стороны в сторону, хаотично выхватывая из темноты фрагменты интерьера, знакомого Митеньке настолько, что молодой человек мог свободно ориентироваться в нем и вовсе без фонаря, прихваченного исключительно для приключенческого антуража.

Окончательно развеяв в душе всякую тревогу, юноша начал подсвечивать расставленные в витринах экспонаты, известные ему до мельчайших деталей.

Вот медный нагрудник с изображением скифского всадника, пронзающего копьем неведомое четырехглавое чудовище. Отец отыскал этот доспех в древнем кургане в 1872 году во время своей первой экспедиции, задолго до рождения Митеньки. А здесь — шаманский бубен, на котором нарисован охотник с остроухой собакой, преследующей горделивого оленя. Когда-то звуки этого бубна призывали своенравных алтайских духов даровать мужчинам охотничью удачу, а потом отец выменял его у шамана на стальной клинок или на какую-нибудь диковинку вроде компаса. А вот подарок отцу от старейшины рода Чулум Кыпчак: тесненное золотом седло с войлочным потником, по углам которого вышиты мифические птицы, похожие на воронов с чересчур длинными клювами и хвостами.

Митенька перешел к следующей витрине, и свет фонаря выхватил из темноты яшмовую фигурку увенчанного лучистым солнечным диском человекоподобного существа, державшего в руках серп Луны, повернутый рогами вверх. Это был Ульгень — старший из алтайских богов. В целом идол был вырезан схематично и даже примитивно, но его лицо поражало своей детальной проработкой: высокие азиатские скулы, хитрый прищур, глубокие морщины над густыми нахмуренными бровями, заплетенная в косицу жиденькая монгольская борода и тонкие, обвислые усы над сжатыми в глумливой улыбке пухлыми губами.

Митеньку удивляло, что ваятель придал создателю мира столь отталкивающую личину, но еще больше его поражала ее мистическая притягательность. Вот и сей-

час юноша никак не мог оторвать взгляд от Яшмового Ульгена, лицо которого будто бы ожило в подрагивавшем свете фонаря: глаза недобро посверкивали, блики на высоких скулах создавали иллюзию играющих желваков, а багровые прожилки на камне казались струйками крови, стекавшими из темной щели рта.

С трудом отогнав наваждение, Митенька торопливо отвел луч фонаря в сторону, но тут же вернул обратно, рассердившись на себя за постыдную, по его мнению, впечатлительность. «Вот еще! — досадливо подумал он. — Каменного болвана испугался!»

Чтобы доказать себе, что он не трус, молодой человек решил вынуть статуэтку и подержать в руках. Он выбрал на связке нужный ключ, отпер витрину и потянулся к Ульгеню. В тот же миг за его спиной хлопнула дверь и сделалось светлее. В архив, держа в руке керосиновую лампу, вошел Белецкий — Митенькин воспитатель.

— Дмитрий Николаевич, что вы здесь делаете в такой час? — строго спросил он.

От неожиданности Митенька дернулся, едва не выронив фонарь, и, поспешно захлопывая витрину, умудрился ободраться о торчавший из рамы гвоздик.

— Я спрашиваю, что вы здесь делаете? — настойчиво повторил свой вопрос несносный воспитатель.

Пойманный с поличным Митенька упрямо помалкивал, зализывая царапину на пальце. Белецкий протянул ему платок и потребовал:

— Дайте сюда дневник.

Юноша вытащил из-за пазухи потрепанную тетрадь в клеенчатой обложке и отдал воспитателю.